

СЕРГЕЙ
ОРЛОВ

*Я землю лишь в подробностях любил,
Пропавших сверху в общих очертаньях.*

„Сороковые, роковые...“

При имени *Сергей Орлов* критики обычно вспоминают одно из его ранних стихотворений:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

*(«Его зарыли в шар
земной...»)*

Строки эти и в самом деле хорошие, впечатляющие. Но не настолько, чтобы заставить забыть все написанное С. Орловым в последующие годы. А писал он немало. И уж никак не хуже, чем в дни своей поэтической молодости.

Впрочем, однообразие цитат, хотя и свидетельствует о невнимании критики к твор-

ческому росту поэта, имеет свои причины. Почти все созданное С. Орловым так или иначе, прямо или косвенно, связано с воспоминаниями о днях Великой Отечественной войны. Вчерашние танкисты, люди, сменившие профессию воинов на мирный труд, навсегда остались его героями.

Где же истоки этой приверженности С. Орлова солдатской теме? Какие исторические обстоятельства сформировали его как художника?

Но прежде — о сверстниках поэта, о тех, кто начинал с ним почти в одно и то же время в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и на страницах журналов и газет.

Служба поэзии и военная служба! Так уж повелось в советской литературе — ремеслом поэта и ремеслом воина здесь чаще всего овладевали одновременно. Отцы делали революцию, сражались с белогвардейцами и интервентами: «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед» (Э. Багрицкий). Дети жили в напряженном ожидании грядущих событий. И ждать им пришлось недолго.

Поход в Западную Украину и Западную Белоруссию осенью 1939 года, события на Карельском перешейке... Отсюда пошел счет потерь и счет стихотворений. «Поколение 1940 года» — так часто называют поэтов, пришедших в литературу накануне Великой Отечественной войны. Лишь некоторым из них удалось напечатать свои

произведения в эти тревожные дни. Большинство же носило свои стихи и поэмы в вещевом мешке за плечами, а иногда и просто сохраняло их в сердце. После того как они погибали в разных войнах и на разных фронтах, лишь память друзей сохраняла написанное ими, да и то не всегда и, разумеется, далеко не в полном объеме.

Те, кто выжил, получили широкую известность в первые послевоенные годы. Те, кто погиб... хотя и не сразу, но тем не менее пробились к читателям своими незаконченными поэмами, своими незавершенными стихами. История сберегла для нас имена: Павел Коган, Николай Майоров, Георгий Суворов, Всеволод Багрицкий, Михаил Кульчицкий, Арон Копштейн, Николай Отрада... Какой длинный список имен и фамилий, сколько ненаписанного, сколько не воплощенного в слова и строфы!

Война проложила неизгладимый рубез в сознании народа. Но если для старшего поколения она была продолжением дела, начатого еще в 1917 году, то для молодежи гром пушек впервые возвестил о том, что детство кончилось, пробил час решающих испытаний.

«Наше поколение, — отмечал позже М. Луконин, — ...писало свою биографию в походах, но биография этого поколения и была биографией времени».¹ Сороковые

¹ М. Луконин. Товарищ поэзия. М., «Советский писатель», 1963, стр. 285—286.

годы навсегда сохранились в представлении молодых поэтов как особое, удивительное время и в судьбах страны, и в их собственных судьбах:

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!
Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

(Д. Самойлов. «Сороковые»)

События военных лет поколение «сорокового года» не напугали, не надломили. Оно вышло из них хотя и поредевшим, но не потерянным и возмужавшим. Ведь еще задолго до войны оно отчетливо осознавало величие предстоящей ему миссии, неповторимость выдвинутых перед ним исторических задач:

Мое поколение — это зубы сожми и работай,
Мое поколение — это пую прими и рухни.
Если соли не хватит — хлеб намочи по́том,
Если марли не хватит — портянкой замотай тухлой.

(П, Коган. «Письмо»)

Молодым поэтам зачастую мучительно не хватало опыта, жизненной мудрости, культуры. О «поразительных делах» своей эпохи они порой складывали не только хорошие, но и плохие песни. Но никто не

мог бы отнять у них удивительной стойкости и любви к своей Родине:

И если я домой
 вернуся целым,
Когда переживу двадцатый бой,
Я хорошенько выплещусь
 первым делом,
Потом опять
 пойду на фронт
 любой!

(А. Конштейн)

«Было бы неверным сказать, — писал М. Дудин, — что Великая Отечественная война дала нашей поэзии целую блистательную плеяду поэтов... Нет, они стали поэтами вопреки войне».¹

Трудно не согласиться с этой мыслью. Конечно, война несла с собой смерть и разрушение. И те, кто писал о ней, всегда оставались ей внутренне чужды, ненавидели ее и проклинали. И все-таки для каждого из них уйти от фронтовых воспоминаний означало бы попросту предательство, дезертирство. И поэтому представить себе их поэзию вне военной темы попросту невозможно.

Впрочем, поэзия эта, оставаясь единой по своему историческому происхождению и общей творческой тональности, была всегда богата самыми непохожими творческими голосами. Семен Гудзенко и

¹ М. Дудин. Твой ровесник. В кн.: С. Орлов. «Созвездье». Л., «Детская литература», 1964, стр. 5.

Михаил Дудин, Павел Коган и Михаил Кульчицкий, Михаил Луконин и Леонид Хаустов, Сергей Наровчатов и Александр Межиров, Юлия Друнина и Константин Ваншенкин — уже это перечисление дает представление о художественном диапазоне молодой поэзии с ее подчас полярными стиливыми исканиями и многообразием различных традиций и влияний.

Одни из них (Луконин, Межиров) наследовали ораторские интонации В. Маяковского. Другие через всю жизнь пронесли любовь к Блоку (Дудин), третьи вырастали под влиянием Багрицкого, Хлебникова, Сельвинского и т. д. Одни тяготели к балладе, другие — к поэме, третьи — к описательной лирике. Были здесь и приверженцы бытового, «жанрового» письма, и сторонники сдержанности в выражении чувств, и художники бурно экспрессивные, необузданные во всем своем творческом облике.

Кстати сказать, поколение «сорокового года» дало нашей литературе не только целую плеяду поэтов, оно насчитывало в своих рядах немало талантливых прозаиков. До сих пор не сделано попытки поставить в связь творчество С. Гудзенко, Д. Самойлова, С. Наровчатова, П. Когана — с одной стороны, и Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова, В. Богомолова, В. Астафьева, О. Кожуховой — с другой. А здесь можно увидеть немало сходного, вытекающего из общности не толь-

ко мироощущения, но и художественных взглядов.

Конечно, прозаикам потребовалось куда больше времени, чтобы осмыслить события. Но, читая «Последние залпы», «Звездопад» или «Июль 41 года», невольно вспомнишь о таких стихах, как:

Бой был коротким.

А потом

Глушили водку ледяную,

И выковыривал ножом

Из-под ногтей

я кровь чужую.

(С. Гудзенко. «Перед атакой»)

Или:

Целовались, плакали и пели,

Шли в штаны.

И прямо на бегу

Девушка в заштопанной шинели

Разбросала руки на снегу.

(Ю. Друнина. «Целовались,
плакали и пели...»)

Что же нового принесли с собой поэты «сорокового года»? Чем они обогатили русскую поэзию? И обогатили ли они ее вообще? На этот вопрос литературоведение наше до сих пор не дало четкого ответа. Напрасно искать в большинстве работ по истории советской литературы анализ произведений С. Орлова или М. Дудина, С. Наровчатова или С. Гудзенко. Фамилии их обычно только упоминаются в длинном списке поэтов «младшего призыва». Там

же, где речь заходит о поэзии, посвященной Великой Отечественной войне, о них чаще всего забывают.

Вот работа А. Кулинича «Русская советская поэзия». Она интересна не столько глубиной самостоятельного прочтения истории советской поэзии, сколько тем, что как бы вобрала в себя некоторые наиболее расхожие и не всегда справедливые представления о месте и значении в нашей литературе тех или иных имен и названий.

От оценки творчества молодых поэтов сороковых годов А. Кулинич отделяется ничего не значащей фразой: «Оживила поэзию поэтическая молодежь».¹ Если верить А. Кулиничу, настоящие художественные ценности призваны создавать только маститые поэты, а удел молодых всегда и во всякое время — лишь «оживлять» литературную обстановку. (О поэтах, появившихся позднее — в пятидесятые годы, А. Кулинич так же стереотипно отзывался: «Оживили поэзии потоки самые молодые».)

Равнодушие А. Кулинича к молодым поэтам сороковых годов иногда сменяется прямым неодобрением их поэтических тенденций. Так, он критикует стихи С. Гудзенко «Перед атакой», «Баллада об одиночестве» и другие за «натурализм», за

«страшные детали», за отсутствие значительных обобщений.

Между тем С. Гудзенко, как и его поэтические товарищи, во всей своей творческой практике стремился отнюдь не к натуралистической детализации, а к прямому, без всякой утайки, рассказу о войне.

Обобщения? Они не формулируются в стихах С. Гудзенко каждый раз с декларативной откровенностью. Но легко заметить, что, например, образы стихотворения «Перед атакой» прочно сцементированы мыслью: нет таких страданий, нет такой опасности, которых бы испугался солдат, сражающийся за справедливость, за идеалы человечества. Именно эта мысль и продиктовала особую форму ее выражения и сделала уместными отдельные, «страшные» на первый взгляд детали.

Уязвимость позиции А. Кулинича обнажается предельно, когда он противопоставляет С. Гудзенко А. Прокофьеву, сумевшему глубоко показать войну и при этом обойтись без «подобных натуралистических крайностей». Ведь хорошо известно, что в лучших произведениях А. Прокофьева о войне вообще нет батальных картин и начисто отсутствует изображение человеческих страданий. В этом сказала особенность творческой манеры поэта, но рассматривать закономерности его стиля в качестве нормативных для всей советской поэзии по крайней мере странно.

¹ А. Кулинич. Русская советская поэзия. Учпедгиз, 1963, стр. 281.

Своеобразие молодой поэзии сороковых годов было отнюдь не в разрыве с прошлым. Больше того, на примере этой поэзии видишь еще раз, что новаторство не означает пренебрежения к традициям, обязательности творческого противоборства поколений. Напротив, и Коган, и Кульчицкий, и Орлов, и Дудин тесными узами связаны с умонастроением своих отцов и стихотворным опытом предшествующих десятилетий. И все же этим поэтам о событиях современности, и в частности о войне, удалось рассказать по-своему, оригинально и неповторимо.

Своеобразие их стихов было прежде всего своеобразием их жизненной позиции. Рядовые участники сражений — пехотинцы и танкисты, — они писали о самих себе, о своих окопных буднях. Им не нужно было говорить голосом народа, они сами были этим народом, принявшим на себя тяжелейший удар войны и не пошатнувшимся от предельного напряжения битвы.

Изда брестера пехотинца, в прорезь на броне танка можно было увидеть многое из того, что не всегда открывалось на КП армии или фронта, но сектор обзора здесь, естественно, был ограничен. И в этом состояла и сила, и слабость молодых поэтов. Они знали все о себе и своих друзьях. Однако им нередко не хватало искусства «оперативного мышления» — поэтического мышления в масштабе фронтов,

государств и наций, умения связать «окопную правду» с глубоким проникновением в судьбы века и его роковые катаклизмы.

Но о прозе войны, о бинтах и патронах, о солдатских кострах, о пепле русских городов, о девушках, распятых на райкомовских дверях библейскими гвоздями, это поколение поэтов рассказало с отменной честностью и прямоотой.

Война, которую они знали и описывали, была страшной. Она никого не жаловала своей благосклонностью, никого не предохраняла от пуль и снарядов:

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

(Ю. Друнина. «Я только раз видала рукопашный...»)

Кровь, грязь, пот, вонь. Обо всем этом молодые говорили не только для того, чтобы проклясть войну, но и прежде всего для того, чтобы показать величие героического подвига ее участников, их выстраданный гуманизм, их любовь к Родине, позволившие в конечном счете стране одержать победу над врагом, опаснейшим из числа всех когда-либо побывавших на русской земле.

Правдивое изображение фронтовой действительности не ослабляло поэзию молодых, не делало ее дряблой, размагниченной, наоборот, оно придавало стихам

особую человечность и героичность звучания.

Человек в лучших произведениях Орлова и Дудина, Друниной и Наровчатова — исторически конкретный, земной человек, в ушанке, валенках, кирзовых сапогах, а вовсе не прописной, символический, абстрактный.

В годы войны советская поэзия возвращала себе право на лирическую исповедь. Разговор поэта о себе, а не только о безликом времени снова получал в эти годы утраченную в недавнем прошлом легальность. Сама атмосфера военной поры, до предела насыщенная грозным электричеством, делала уместной как никогда романтическую страсть и экспрессивность лирических интонаций. Однако в поэтическом оркестре сороковых годов поэзия фронтовиков, если взять ее в целом, выделялась своим тяготением к простоте и обыденности стихотворной речи. Ей были органически чужды громкие слова, барабанная риторика, однообразие фанфарных призывов («Я не умею бить в литавры» — П. Коган, «Жили мы, не тратя лишних слов» — Н. Майоров).

Поэзия Орлова даже на фоне произведений его литературных ровесников всегда выделялась обыденностью своих лирических сюжетов, особой интимностью и задушевностью интонаций. И не случайно рецензенты первой книги Орлова «Третья скорость» отмечали, что с первой же

строки к автору возникает интерес и доверие.¹

Да, именно доверие! «Третья скорость» по своему жанру ближе всего к дневнику. Жизнь переднего края взята здесь в будничном, обыденном ракурсе. Война показана как повседневная тяжелая и безрадостная работа. Никаких выдающихся событий в дневнике поэта читатель не найдет. На фронте все привычно — и кровь, и боль, и смерть товарищей. Но, вероятно, как раз потому, что обо всем этом — заурядном в условиях войны и противоестественном по своей бесчеловечной сути — С. Орлов рассказывает тихим, чуточку усталым и спокойным голосом, ничего не утрируя и ничего не скрывая, его стихи приобретают подлинную художественную выразительность и силу.

Фронтovou действительность С. Орлов видит не в условно поэтическом, декоративном ракурсе. В мире, населенном его героями, бредутся, пьют водку, пишут письма; здесь есть бомбы и носилки, мокрые дрова, блиндажи, сотрясающиеся от солдатского храпа, здесь люди перед атакой испытывают ни с чем не сравнимое желание жить и никогда не говорят вслух о солдатской дружбе, такой же простой и необходимой, как папироса на двоих.

И все же, несмотря на обилие деталей и

¹ П. Антокольский. Поэты и время. М., «Советский писатель», 1957, стр. 227.

подробностей солдатского быта, С. Орлова нельзя упрекнуть в нарочитом бытовизме. Описания фронтовой жизни важны и дороги ему не сами по себе, а лишь как средство раскрыть трагическое противоречие между стремлением солдат к мирной жизни, к дому — и необходимостью выполнить до конца свой долг в справедливой борьбе с врагами, как средство раскрыть непреодолимое противоречие между красотой жизни и угрозой подстерегающей человека на войне смерти.

«Окаянной тоской по жизни» пронизаны строки поэта об отличном летнем деньке в лесу, когда, кажется, сама война, «устав от шума, легла спать» на срезанную минами траву, когда «оглохшая», «слепая» тишина стоит на фронтовых дорогах — тревожная тишина предгрозя, в которой плывут лишь звуки грустных солдатских песен.

Героям С. Орлова чуждо уныние, неверие в победу, расслабленность и слюняйство. Их грусть, «светлая и тихая», — грусть молодых, сильных и выносливых парней, ни разу не дрогнувших в час схватки:

Что ж молчишь ты, товарищ бедовый,
И задумчиво смотришь в огонь?
Лучше с песней в землянке сосновой
Разверни на колене гармонь.

Отгремят, как тяжелые грозы,
Беспокойные эти года,
И к родным белозерским березам
Нас еще унесут поезда.

.

Нам ли хмуриться грустью безвестной?
Как-нибудь проживем, ничего...
Здравствуй, тихая, светлая песня
С говорком вологодским на «о»!

(«В землянке»)

Впрочем, для грусти у этих людей никогда не хватало времени. Все их существование изо дня в день было одним сплошным, хотя и не всегда отмеченным, героическим подвигом. Танкисты, они на третьей скорости вторгались в боевые порядки противника, а в интервалах между сражениями у них хватало солдатских обязанностей и хлопот:

Как самое великое творенье,
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщение
О путь-дороге нашего полка...

*(«А мы такую книгу
прочитали...»)*

В своих стихах поэт отразил некоторые наиболее запомнившиеся ему картины солдатской жизни в ее походном движении с Востока на Запад. Он рассказал об огненных грозах артподготовок, о стремительных танковых атаках, о нарах в два яруса — пределе желаний усталого воина, о пыли фронтовых дорог, о черноокой хозяйке, гостеприимно распахнувшей перед солдатами двери своего домика, о любви окопного народа к музыке и песням, ко всему, что напоминало ему о другой, мирной жизни, о фанерных звездах на сосно-

вых столбиках — всюду, куда только доносилось дыхание фронта, о готической архитектуре пламени, пожиравшего светлые церкви и сумрачные костелы.

Образ поэта в военных стихах С. Орлова почти начисто лишен внешней характеристики, да и вообще редко возникает в стихах. С. Орлов не только обходится без образа лирического героя, но и вообще избегает разговора о своих субъективных чувствах и переживаниях, равно как и формы рассказа от первого лица. Эту черту его лирики можно было бы объяснить данью эпохе, не очень любопытной и внимательной к переживаниям отдельной человеческой личности. Однако в действительности сама творческая манера С. Орлова подсказала ему слияние образа поэта с образом солдатской массы, растворение личности во фронтовом коллективе.

Большинство стихотворений о войне С. Орлов пишет, употребляя местоимение «мы». И это «мы» в данном случае меньше всего было одной из традиций поэзии сороковых годов. Оно означало, что поэт говорит о коллективном подвиге своих товарищей, что он не мыслит себя изолированным от общего дела, что подчеркивание сугубо личных, не присущих всем переживаний казалось ему в то время просто ненужным, да и бестактным.

Конечно, путь, избранный С. Орловым, не являлся единственным или лучшим путем лирической типизации. Но он был

художественно оправдан. «Мы» у С. Орлова лишено абстрактности и ходульности. Оно вовсе не означает претензии говорить от имени всего народа, всей страны или хотя бы всей армии. «Мы» — это:

Витька, Коля, Саша и Петро —
Песня, доброта, отвага, сила.
Медные ладони над костром,
С пшенной кашей черное ведро,
В лапах сосен льдистые светила.

Витька, Коля, Саша и Петро —
Экипаж, друзья мои, солдаты.
Кашу ждут зимой в сорок втором,
Лица жарко вымыты костром,
Спины от усталости горбаты.
(«Витька, Коля, Саша и Петро...»)

«Мы» — это отдельный танковый батальон, те русские парни, что с таким нетерпением ждали очередную сводку Информбюро, пели на привалах протяжные песни, умели крепко держать в руках автоматы и верить в победу. Поэт говорил их голосом, их словами. И не только там, где открыто выступал их представителем («Нам не страшно умирать, только мало сделано», «мы в землянке обжились», «мы ребят хоронили в вечерний час», «мы жизнь свою, как песню, пронесли»), но и в тех случаях, когда стихи отражали действительность в некой безличной форме. Для того чтобы говорить от имени друзей, С. Орлову не приходилось отказываться от своих собственных чувств и наблюдений. Но он

строго отбирал их так, чтобы через индивидуальное и отдельное наиболее широко раскрывалось общее, присущее всем.

Едва ли не все военные стихи С. Орлова объединены темой сдержанной и суровой, проверенной в боях солдатской дружбы:

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.

(«Дружба»)

Вся Россия стоит за спиной у бойцов и провожает их на военные рубежи. Вот откуда у героев С. Орлова эта уверенность в своих силах, это нестигаемое мужество и чувство причастности к тому огромному, великанскому, чем был занят и чем жил тогда русский народ.

Скромность авторского почерка и нарочитая приглушенность интонаций не мешали стихам Орлова о войне стать популярными среди читателей. В самом облике поэта в сороковые годы было что-то общее с угловатостью его произведений.

В 1948—1949 годах С. Орлова можно было увидеть в доме № 28 по Невскому проспекту в Ленинграде на шестом этаже, там, где помещалось ленинградское отделение издательства «Молодая гвардия». Здесь тогда работало объединение молодых прозаиков и поэтов. И С. Орлов был его постоянным членом.

У него уже вышли книги, он много пе-

чатался и был известен далеко за пределами Ленинграда. Но это не мешало ему сидеть на ученической скамье вместе с людьми, нередко еще не опубликовавшими ни одной строчки. Рядом с задыхающимися от страсти строфами М. Дудина (тоже участника объединения), рядом с «голой скоростью» баллад талантливого и не проявившего до сих пор полностью свое дарование И. Ринка, сочной образностью пейзажей Ивана Демьянова стихи С. Орлова казались особенно скромными, как бы лишенными огня.

Был С. Орлов в ту пору еще безбородым, с лицом, отмеченным ожогами и шрамами, и во всем его облике сквозило что-то неловкое, застенчивое. И в то же время за этой внешней неяркостью ощущались в нем и душевное богатство, и сдержанная внутренняя сила. Эти же качества просвечивали и в его стихах, свободных от риторики и погони за дешевыми эффектами.

Рассказывая в произведениях военных лет об условиях, в которых они создавались, С. Орлов не раз просил у читателей извинения и за «корявые слова», и за погрешности в рифмах. Конечно, он преувеличивал свою поэтическую неосведомленность и неуклюжесть своего почерка. Сказать о стихах С. Орлова только то, что они бесхитростны и скромны, — не означает исчерпать проблему его творческого стиля.

Простота у С. Орлова — хитрая и слож-

ная простота всякого настоящего искусства. Повседневность образов и сравнений в стихах поэта удивительно уживается с яркой метафоричностью, будничность — с космическим размахом. И сами образные контрасты становятся здесь нередко одним из мощных средств художественной выразительности.

По сравнению со стихами А. Межирова, С. Гудзенко, С. Наровчатова, Ю. Друниной поэзия С. Орлова в военные годы казалась более уравновешенной, гармоничной. В ней было значительно меньше драматизма, экспрессии и больше лиричности, светлой грусти. Иной, чем у большинства ровесников Орлова, была его поэзия и по своим творческим истокам. Одного какого-либо определенного «властителя дум» у С. Орлова никогда не было. Но он всегда оставался верен напевному, мелодическому стиху, уходящему корнями в русскую литературу XIX века.

«Дольники», разбивка строк «лесенкой», ораторский пафос С. Орлову решительно чужды. И это обстоятельство иногда давало повод для обвинения поэта в традиционности художественных средств и приемов. Между тем подлинное богатство жизненного содержания стихов, обилие мыслей и искренних переживаний — все это как раз выгодно отличает С. Орлова от поэтов, не обладающих своим оригинальным стилем, поющих, иногда даже не без успеха у публики, с чужого голоса.

Интересно, что С. Орлов обычно не «рисует» стихами, а «рассказывает». Он не столько лирик, сколько рассказчик. А поэтому мелодика стиха, его инструментовка, певучесть и эмоциональность отдельных ритмических фраз у него по большей части не играют самодовлеющей роли и без остатка подчинены развитию образной мысли, складыванию лирического сюжета.

Военным стихам С. Орлова сегодня можно было бы пожелать большей глубины и масштабности в освещении эпохи. Но они ничего не потеряли как искреннее свидетельство современника о грозных событиях, участником которых он сам являлся. Чувства молодости, неистраченности жизни, любви к Родине, святости солдатского долга — чувства, близкие миллионам юношей, пошедшим в 1941 году в бой прямо со школьной скамьи, нашли в этих стихах свое яркое и красочное выражение.

Тихая провинция

Война закончилась для С. Орлова раньше, чем для некоторых его товарищей по перу и товарищей по оружию. В 1944 году после тяжелого ранения он был демобилизован. Об этом периоде своей жизни поэт рассказал во многих стихах. Есть в них радость встречи с родными местами и легкая

дымка печали: «А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть».

Не все вернулись с фронта домой:

Дорогие, верные дружки,
Рыжий Витька, белобрысый Саша,
Коля и Петро — мои годки,
Как вы далеки и как близки
В мире светлом и просторном нашем...
(«Витька, Коля, Саша и Петро...»)

Неловко и непривычно было человеку после многих лет армии в тишине своего родительского дома. Ничто здесь не изменилось. Те же тополи и березки, те же сады и поля. За годы разлуки он соскучился по родной земле, по ее краскам, ее запахам. И все теперь для него засветилось здесь какой-то особой красотой.

Тема тишины надолго приковала к себе творческое воображение поэта. Тишина... Она и одуряла после грохота военных лет, и усыпляла, звала вдаль, и давала широкую возможность обдумать прошедшее и настоящее, увидеть то, что вчера казалось несущественным и мелким. Эта тишина оборачивалась то тишиной колхозных полей, возникнув там, где недавно было поле боя, то тишиной, потонувшей в туманах дальней заставы, то зеленой тишиной маленьких районных городков, то тишиной старинных семейных альбомов, где со страниц глядят на мир целые поколения солдат, горят огни далеких костров и проступает сквозь пожелтевшие портреты сама, богатая событиями, русская история.

В этой «тишине» первых послевоенных лет поэт уловил многое — и грохот бульдозеров и кранов, и веселый наигрыш деревенских гармоней, и радостный шум новой молодой жизни. Именно поэтому образ советской действительности конца сороковых годов привлекает в его стихах правдивостью и одновременно — необычностью своего художественного решения.

Конечно, в книгах С. Орлова попадают и совершенно безликие обращения к «матери-Родине», традиционные и по замыслу и по словарю. Но чаще образ России возникает у поэта из картин, полных реалистической достоверности и именно поэтому приобретающих обобщенный, метафорический смысл.

Взять, к примеру, стихотворение «Железная дорога». На первый взгляд оно представляется бесхитростной зарисовкой. Однако на самом деле замысел его не ограничивается простой констатацией примет еще не сложившегося после войны быта. За бытовыми деталями ощутим своеобразный подтекст. Вся Россия первых послевоенных лет рисуется поэту одной бесконечной, летящей в будущее дорогой.

Опять, как и прежде, куда-то торопятся люди. Не сидится им на месте. Верят они, что в новых краях устроится их судьба, привалит к ним счастье. А пока что довольствуются «крутым бесплатным кипятком» и, свято презирая неудобства, ютятся со своими мешками и сундучками в холодных

мраморных дворцах вокзалов, на паркетных и полированных полах, возле «дубовых тронов и ворот».

Демобилизованная, завербованная, командировочная Россия! Со своими хлопотами, вокзальной маетой, с печалью тихих гармоник, с горьким плачем малышей, с терпеливой верой в свет, радость, справедливость, достаток.

«Железная дорога» писалась поэтом еще задолго до появления произведений, раскрывающих враждебность культа личности интересам народа. Однако эта мысль звучит здесь с достаточной определенностью, хотя она и выражена в предельно лаконичной и несколько завуалированной форме.

Возведенные на трудовые копейки мраморные дворцы и неустроенный, бесквартирный, полуголодный, но не теряющий бодрости духа и уверенности в будущем люд — в этом противопоставлении сказалась возросшая зоркость поэта, его способность отражать в стихах насущные проблемы эпохи.

С. Орлов не из тех людей, что годами не покидают свой дом, находя в этом особую прелесть существования. Он постоянно путешествует по стране, ездит и за границу. В его жизни было немало странствий. Но туристские впечатления и рожденные на этой основе стихи остались в творческой биографии поэта второстепен-

ным фактом. Несравнимо большую роль для творческого становления С. Орлова сыграла его любовь к родному краю.

С. Орлов родом из села Мегра Белозерского района Вологодской области. В старинном городке Белозерске он окончил среднюю школу. «Тихие дома, деревянные мостки, скрипучие калитки, буйные черемухи и зовущие гудки пароходов»¹ — это строки не только из автобиографии поэта, но и образы его многочисленных стихов о русском Севере.

Дремучие леса и полные рыбы озера, болотные туманы, похожие на скиты староверов темные овины, суровые колокольни елей, тишина, хмельная, как спирт: «Не скажу, что самый лучший, а милей всех сердцу край».

Туда, на Север, в белые ночи, к берегам сплавной реки Шексны пролегла широкая птичья дорога. Туда летят по весне журавли. Туда торопится через всю Россию, все пешком и пешком, удивительная птица голенастый дергач. Туда, к рыжим поймам и тоненьким березкам, всю жизнь тянет поэта.

«Мне не нужно напрягать память, — писал С. Орлов, — чтобы вспомнить детство: его можно увидеть глазами и сейчас. Оно белеет березами и пламенеет рябинами перед зданием бывшей школы, плывет... бук-

¹ С. Орлов. Стихотворения 1938—1958 гг. ГИХЛ, 1959, стр. 257.

сирами по каналу, лежит огромным слюдяным простором Белого озера в тихие вечера, синее бескрайними лесами, плещет зарницами, звенит дождями».¹

Годы, проведенные в селе, воспоминания детства дали С. Орлову возможность недавно в одном из стихотворений воскликнуть: «Я до сих пор твой сын, деревня!» Однако тот, кто будет руководствоваться этим признанием в своем понимании поэзии Орлова, без сомнения, ошибется. Причислить С. Орлова к «крестьянским поэтам» невозможно, хотя бы и в условном, ограниченном понимании этого термина, ныне потерявшего свою былую социальную и эстетическую определенность.

Правда, С. Орлов и впрямь крайне редко пишет о больших индустриальных городах, а если и пишет, то только как человек, никогда не забывающий о своем сельском происхождении. Но не больше у него стихов и о деревне.

На самом деле С. Орлов всегда был и остается поэтом районной России. Глухие, «незначимые» городки и поселки: райжилотдел, райзагс, райбольница, где у крыльца безбоязненно пасутся козы, где запряженная в телегу и дремлющая в ожидании хозяина кляча с удовольствием слушает на центральной площади вальсы Дунаевского и очередную сводку погоды, где

¹ С. Орлов. Стихотворения 1938—1958 гг., стр. 256.

огороды и дощатые тротуары, городской сад с танцами под радиолу и девушки с нездешними прическами и нездешними мечтами:

Но в каком бы ни был я краю,
Милую районную столицу,
Тихую провинцию свою
Вспоминал — пусть нечем ей гордиться.

В стороне от всех больших дорог,
От железной за сто километров,
Маленький зеленый городок,
Старый друг с черемуховым ветром...

(«У себя дома»)

Тема «тихой провинции» в советской поэзии всплывает не часто и трактуется чаще всего односторонне. Были поэты, писавшие о конце этой темы в индустриальном грохоте пятилеток, поэты — равнодушные к сонным будням провинции и поэты, проклинаящие ее, как кошмарный сон. Но защитников у провинции всегда не хватало. Да и само понятие «провинция» в современном языке приобрело негативный оттенок, постепенно вытесняясь другим, кстати говоря, мало удачным, — периферия.

Отношение С. Орлова к теме «тихой провинции» — новое, отрицающее ее традиционные толкования. Ведь провинция — это огромное количество городков и поселков на всем пространстве нашей страны. Она начинается сразу, как только отойдешь на несколько десятков километров в сторону от любого крупного города. И не слишком ли необдуманно поступают те,

кто ее пренебрежительно отвергает? Можно ли вообще понять Россию, забыв, что Россия не только в Москве, Новосибирске и Ленинграде, но повсюду и везде, где только есть русские люди.

Обязательно ли всем этим зеленым городкам с черемуховым ветром для того, чтобы войти в поэзию, строить у себя заводы, прокладывать железные дороги, дымить высокими трубами, стучать копрами? С. Орлов отвечает на этот вопрос отрицательно. Он любит рассказывать о неповторимой красоте маленького северного города. Он увидел его впервые в раннем детстве как иллюстрацию к «Сказке о царе Салтане» и навсегда запомнил эти зеленые валы у блескучих вод, и сахарные стены и ленту радуги над золотыми луковками церквей, и медный прибой колокольного звона, и красную кровлю железных крыш:

Тихий город мой, в зорях алых
Щедро ты мне дарил открытья,
С чудом первой любви, пожалуй,
Мог тебя одного сравнить я.
(«Акрополь»)

А северные церкви:

За Вологдой в дали таежной,
В конце проселка на пути,
Зайдешь под свод, и невозможно
Глаза от света отвести.
(«Слово о Дионисии»)

У районного городка нет окраин. Он внезапно вырастает среди полей или садами

незаметно уходит в леса и растворяется в дремучих чащобах. Говорить об этом городке — означает говорить о лодке на темной весенней реке, по борту которой не спеша движется просторная русская земля, о крике коростелей, о застывших, будто навек, в потемневшей высоте облачных кручах, о звонкой зимней дороге, о санях с бубенцами, когда «тулуп на ямщике как пламя горит один среди зимы, и кони, фыркающая ноздрями, учуют дальние дымы», о голубых узорах на разрисованном морозом окне, о скрипе сверчка за русской печкой, о босоногих мальчишках, о тоске колодезных журавлей.

А вот городской базар с его пестрыми красками, шумом праздничной веселой толпы, с его громкой удалью и нежной грустью:

Над базаром музыка властвует,
Сто гармоник поют в углу,
Голубые, алые, красные,
На морозе поют к теплу.

Здесь лесорубы, садоводы, пахари — скромные любители музыки выбирают гармонии, пробуют их на ощупь и на слух:

Уж чего бы так, ведь гармония,
Не орган тебе, не оркестр...
Эх, гармония — филармония,
Да и опера сельских мест.
(«Гармоники»)

И совсем глухие поселки, какие-нибудь крохотные станции на железных дорогах,

где даже почтовый поезд и тот не стоит двух минут, вызывают у С. Орлова доброе, ласковое чувство.

Летят составы мимо станции Валя и станции Алешенька, и никто не знает, почему они так названы. А хорошо бы остаться здесь надолго. И влюбиться в эту самую Валю с отсветами зорь в сияющих глазах: «Валя, Валя, где-то за откосом голос твой мне слышится в лесах».

Но главное, во имя чего С. Орлов ведет разговор о своей «тихой провинции», все-таки не в этих чудесных пейзажах. Поэтизируя скромную и редко замечаемую красоту глухих мест, он в первую очередь думает об их людях. Конечно, и во внешнем облике районных центров за послевоенные годы многое изменилось: новые дома, школы, больницы, клубы, стадионы. И все же для поэта важнее другое: мальчишки из соседского двора — те самые ребята, с которыми он играл в детстве и позже уходил в солдаты, ныне разъехались по всей стране и ворочают ответственными делами. А если так, то, выходит, и маленький городок может помериться славой с большими. Впрочем, деление людей на «ответственных» и «рядовых» у С. Орлова отсутствует. Он чтит не должность, не звание, не исключительные таланты, а влюбленность человека в свое ремесло, душевную отзывчивость, сердечность.

В книгах поэта всегда шумно, весело, многолюдно. На их страницах он вы-

вел целую галерею своих друзей и знакомых, сверстников, земляков, однополчан. Гудят здесь красочные русские базары, несутся в будущее веселые студенческие поезда, пляшут буйные сельские свадьбы.

Многие стихи С. Орлова написаны в своеобразном жанре лирического портрета. Жанр этот был, как известно, популярен сразу после войны, когда критика усердно призывала поэтов «не углубляться в тайники собственной души», а рисовать «куда более значительные» образы передовиков производства. Однако увлечение С. Орлова искусством лирического портрета нельзя полностью объяснить причудами литературной моды. В нем сказалась эпическая природа дарования поэта, его приверженность к некрасовской школе, особый интерес к жизни народа.

Тяга С. Орлова к портрету всегда оставалась естественной, а не директивной. Да и модели он выбирал придирчиво и строго, только из числа тех людей, которые его действительно чем-то взволновали.

Кто же эти люди, ставшие героями стихов поэта? Было время, и они, в земле по грудь, уже уничтоженные по всем данным вражеской разведки, остановили немецкие танки в трех шагах от Ленинграда. Никто не запомнил тогда их имен и фамилий. А сами они считали свой подвиг обычным солдатским делом. Прошли годы, и вот теперь эти бывшие фронтовики живут рядом с нами, ездят в трамвае на работу, стоят у

газетных витрин, давно сняли военные шинели и вовсе не думают о том, что они и есть тот самый героический русский народ, о котором идет молва по всему свету.

Неизвестные солдаты! Их С. Орлов встречает повсюду. И раньше всего в своем северном краю. Пожилой паромщик, который еще вчера форсировал широкие реки Европы, сегодня хозяйничает на маленькой Шексне. Повстречались бог весть в какой глухомани два бывших однополчанина-танкиста. И тут же зазвучали названия европейских столиц, имена боевых товарищей.

А вот пламенный фанатик своего искусства — районный фотограф и его клиенты: парнишка в мичманке, тот, что стал нынче адмиралом, юный джигит на фанерном скауне, «выучившийся» на вратаря столичной команды, крестьяне с золотыми звездами, заслуженными в Берлине:

Смотрят, как живые, с фотографий,
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

(«Фотограф»)

С любовью рассказал С. Орлов и о суровых капитанах, что водят свои корабли не по бурным океанам, а всего-навсего по зеленой линейке Шексны, но тем не менее и впрямь бывалых, мужественных людях; и о бакеншике, который и в дождь и в непо-

году, вопреки всем стихиям, следит за речными вежами, вставляя в медные оправы «кусочки алые зари».

Мастерица кружевной артели чудесная певунья Шура Капарулина, Марья Гавриловна — «зам и зав», «директор и уборщица» сельской гостиницы, потерявшая на войне единственного сына и теперь видящая сыновей во всех своих постояльцах, — эти люди органически входят в стихи поэта.

Впрочем, далеко не все стихи С. Орлова, рассказывающие о жизни современников, могут быть названы лирическими портретами. Рисуя образ человека, он крайне редко ограничивается простым описанием его внешности или информацией о его делах. Люди у него неотрывны от окружающей их действительности, от житейской среды, от пейзажа, раскрыты в движении, в смене чувств и настроений, в потоке дел и поступков.

Вечером на трассе еще строящегося Волго-Донского канала выступают прославленные артисты МХАТа. Неуверенно произносят они свои первые реплики. Ведь перед ними — не только зрители, но и герои будущих пьес современных драматургов. А за тридцать земель от них, на плавающей шекснинской культбазе, тоже идет спектакль. И колхозные девчата утирают слезы, глядя, как «в тоске по Ромео измучась, прощается с жизнью Джульетта».

Высокое искусство входит в будни людей, занятых тяжелым физическим трудом. Шекспир оказывается простым и понятным, как газета, и каждый может почувствовать что-то свое, кровное в монологах Гамлета и жалобах короля Лира.

Люди в кино, в театре, в клубе, внимающие рассказу о себе, о своих подвигах, о своих поступках, — мотив этот не случайно много раз встречается в книгах поэта. Он вытекает из постоянного желания С. Орлова показать обыденность истории и одновременно скромное величие тех, кто ее вершит.

В построении лирического сюжета С. Орлов любит неожиданные повороты, оригинальные ситуации. Седые мужики на делянке, вспомнив юность, поют песню про... молоденькую девчонку; курортники на сияющей земле древней Тавриды грустят о милом их сердцу холодном Севере; хохочет ярмарка, глядя на отставшего от кобылы стригунка, который спешит за пропахшей бензином тяжелой машиной.

Будничное в стихах С. Орлова высвечивается изнутри, приобретает особую окрыленность, когда речь заходит о далеком прошлом, об истории Советского государства. К этой истории поэт относится благоговейно и рассказывать о ней спокойно не может. Его стихами говорит искреннее человеческое волнение: летят годы, и человек останавливается в изумлении перед их волшебным полетом.

Есть в книгах поэта стихи о первой годовщине Советской власти в Москве и о первом тракторе, появившемся в его родной деревне:

В него стреляли ночью кулаки —
В путиловца, партийца, ленинградца, —
Но где он шел — вставали мужики
За ним, как бы во время демонстраций.
Казалось, по деревне ехал гром,
И с ним никто не мог сравниться в силе.
И я за ним бежал, как за полком
Сейчас мальчишки бегают босые.

(«Первый трактор»)

Есть стихи о ленинском броневице, давно ставшем легендой, и стихи о хлебе сельскохозяйственных коммун. Там, за Бийском, у Алтайских гор, под небом дальнего июня все было общее: и дворы, и дома, и даже баня — «для женщин и мужчин одна». Конечно, то время было богато перегибами, но судить его сегодня легче легкого. Куда важнее увидеть другое — ничем не омраченную веру людей в равенство, в справедливость, в счастье.

Хлеб коммуны! Разве он не достоин од и сказаний, разве не воплотились в нем завоевания Октября и самые светлые человеческие надежды, тот дух коллективизма, который так присущ русскому народу:

Коммуны хлеб. Под синим небом
Не раз я ел его потом —
На пятерых буханку хлеба
Рубя трофейным тесаком...

(«Хлеб коммуны»)

Большое впечатление на С. Орлова произвела однажды мысль о том, что свет звезд идет к земле годами и, стало быть, звездная история открывается людям спустя миллионы лет после ее протекания. Фантазия подсказала поэту по аналогии с данными современной науки другую, еще более красочную картину. Неведомые телескопы неведомых жителей вселенной прощупывают космическое пространство и собирают в свои объективы свет далекой Земли. И вот вновь взлетает в воздух ракета над Петропавловской крепостью, летят буденновские колесницы, склоняется над походным костром Чапаев, и обитателям космоса хорошо видно, как высится красное знамя над всей нашей планетой.

Простые радости

О чем бы ни писал С. Орлов, его стихи поражают почти прозаическим изобилием бытовых подробностей и деталей. Между тем образы вещей и разнообразных предметов, окружающих человека, не часто встречаются в стихах вообще и уж во все редко — в советской поэзии конца сороковых — начала пятидесятих годов с ее декларативностью и невниманием к реальным очертаниям мира.

Отказ от деталей в поэзии первых послевоенных лет объяснялся пренебрежением к индивидуальному, частному в человеке

сих судьбах и переживаниях. Типизация, по мнению некоторых теоретиков, требовала особого, «монументального» художественного языка, свободного от, так сказать, натуралистического воспроизведения разных мелочей. Поэты говорили о Труде, Родине, Счастье. Абстрактные категории нередко заменяли конкретные картины, символы — факты, картон — человека.

Тем дороже и удивительнее эта постоянная приверженность Орлова к «земле», к реальным, а не вымышленным событиям, к поэтическому «микроскопу», под стеклом которого оживали, казалось бы, самые незначительные, самые скромные жизненные явления. «Я землю лишь в подробностях любил, пропавших сверху в общих очертаньях», — как-то признавался С. Орлов. И важность этого признания нельзя преувеличить.

До середины пятидесятих годов эта буйная щедрость красок, возникающая от совпадения оптимистического мироощущения поэта с духом искусства Рубенса («Я, — писал С. Орлов, — верю кисти старых мастеров и рубенсовской щедрости натуры») и одновременно от нескрываемого интереса к Э. Верхарну, нередко оборачивалась у него идиличностью. Мир открывался поэту порой более пышным, ярким и богатым, чем он был тогда на самом деле. Однако со временем земное, плотское, житейское в его стихах приобрело особый смысл.

Начиная с книги «Одна любовь», С. Орлов стал задумываться о простых радостях бытия, о его элементарных и как будто отнюдь не поэтических основах. Он слагает восторженные оды... хлебу и молоку и почти с библейским пафосом рассказывает о приготовлении щей на современной кухне.

Такие стихи на первый взгляд как будто выпадали из творческой биографии поэта. Да и не только из нее. Советская поэзия еще со времен нэпа «гастрономическую» тему воспринимала иронически. Сытость ассоциировалась с пошлостью, хозяйственная рачительность с мещанством:

У тебя на столе самовар, как глобус,
Под краном стакан, над конфоркою дым;
Размякнув от пара, ты можешь в оба
Теперь следить за хозяйством своим.
О благодушие! Ты растроган
Пляской телят, воркованием щей,
Журчаньем в желудке...
А за порогом —
Страна враждебных тебе вещей.
(Э. Багрицкий. «Человек предметья»)

И сам НЭП представлялся нелепым разгулом взбесившейся человеческой плоти:

...О самодержец пышный брюха,
Кишечный бог и властелин,
Руководитель тайный духа
И помыслов архитриклин!
Хочу тебя! Отдайся мне!
Дай жрать тебя до самой глотки!
Мой рот трепещет весь в огне,
Кишки дрожат, как готтентотки.
Желудок в страсти напряжен,

Голодный сок струями точит,
То вытянется, как дракон,
То вновь сожмется что есть мочи.
Слюна, клубясь во рту, бормочет,
И сжаты челюсти вдвойне...
Хочу тебя! Отдайся мне!..

(Н. Заболоцкий. «Рыбная лавка»)

Аскетизм еще долго существовал в советской поэзии. Она никогда не уставала прославлять мужество людей, равнодушных к зовам плоти, лишенных домашнего тепла, пусть голодающих и замерзающих, но не сдающих свои позиции идейным врагам. В определенные годы этот аскетизм поддерживался экономической бедностью страны, серьезными хозяйственными затруднениями, наложившими свой отпечаток на весь стиль жизни народа. Позже он иногда существовал по инерции.

Между тем после XX съезда партии в быте народа произошли большие сдвиги. Простые человеческие запросы и интересы личности выдвинулись на первый план. И не случайно партийная программа, говоря о неуклонном росте благосостояния народа, подчеркнула необходимость заботы не только о человеческом духе, но и о материальных потребностях людей, о потребностях их прежде считавшейся низменной плоти.

Эти колоссальные изменения в мироощущении советского общества, происшедшие на наших глазах, объясняют многие черты современной поэзии.

Она заговорила о человеческом счастье, счастье, открывшемся теперь не только как упоение в смертном бою и не только как радость творческих свершений и открытий, но и как счастье в кругу семьи, у домашнего очага, за тесно заставленным столом, после дней напряженного труда; о счастье как поре жатвы и снятии богатого урожая, посеянного в крови и поте героических десятилетий.

Конечно, представление советской поэзии о благополучии народа и сегодня несводимо к мысли об отдыхе и веселье, но важно подчеркнуть, что именно в наши дни оказался возможным и такой поворот темы, такой, казавшийся раньше «мелкобуржуазным» и обывательским, разговор о человеческом счастье.

Впрочем, рассказывая о щах и хлебе, С. Орлов не столь уж восторгается открывшейся его героям возможностью есть досыта и вставать из-за стола с туго набитым желудком. Восстание раскрепощенной человеческой плоти он отнюдь не склонен сводить к чревоугодию и смакованию радостей, подвластных «кишечным богам» и «самодержцам брюха». «Нестыдной», общечеловеческой, гуманной тема хлеба ищей становится потому, что поэт усматривает в ней повод для разговора о нашем времени, о его трудовых буднях и нравственных началах. Тема эта позволяет С. Орлову еще и еще раз утвердить себя в качестве художника, ищущего поэзию на

земле, а не в отвлеченных романтических сферах.

Прекрасным и достойным кисти поэта, с точки зрения С. Орлова, является все, что органически входит в жизнь народа, все создаваемое его руками и свидетельствующее о его духовном и физическом здоровье, сердечности, миролюбии, силе.

Хлеб... Посмотрите, как «вкусно» описывает поэт его рождение. Нет, это не обычная работа, а настоящее священнодействие:

Повет ладоней яростен и нежен,
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

(«Свежий хлеб»)

И в самом деле, ведь сейчас за этим кухонным ритуалом стоят и грохот обмолота, и пора весеннего сева, деяния тысяч человеческих рук. И вот наконец итог — «веснушчат, рыж и кругл, как солнца пламень, на кирпичах благоухает хлеб». Тот хлеб, о котором пишут в газетах, которым измеряют самые высокие ценности.

Не хлебом единым жив человек! Это не вызывает у С. Орлова никаких сомнений. Но и хлебом, и не в последнюю очередь, говорит он читателям своими стихами. Хлеб как основа бытия, как первоисточник всех радостей и страданий, хлеб — создание человеческого разума, союзник человека и его безжалостный властелин — вот герой произведений поэта.

В самом обращении С. Орлова к разговору о «простых радостях» сказалась его близость к мировоззрению человека, посвященного в тайну рождения даров земли и лучше других знающего им цену.

Но и горожане, напоминает поэт, не должны забывать о чуде, обычно совершающемся по утрам, об этом скромном событии, по особому освещающему всю нашу жизнь. Еще спят все дома, и трамвайные пути, и киоски, и магазины, а у дверей булочных уже веет праздником, гостями, предчувствием счастья. Врываются в ночь таинственные запахи поля, речки, затерянных во ржи троп, и, как теплые весенние миры, как неведомые планеты, плывут добрые хлебы из фургона на прилавки:

Спит город, в чудеса не веруя,
Но каждый миг творит он чудо,
Неутомимо, полной мерою,
Всегда, в любое время суток...

(«Хлеб привезли»)

А разве меньшее чудо — глиняная кружка с парным душистым молоком? Ведь это ей гончар отдал все свое волшебное умение, в ней каменным цветком застыла дружба огня, воды и глины. Глотните молока, и вам сразу вспомнится зеленый росный луг, жаркий воздух сенокоса или знобкая рань огорода.

А какая поэзия открывается поэту в процессе приготовления... шей!

Кочан капусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тени, запах мяты
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты...

(«Щи»)

Разумеется, восторженная ода щам у С. Орлова всего-навсего шутка, но недаром говорят: в каждой шутке есть доля правды. И когда поэт пишет о кочане капусты как о сгустке поэзии, о железных цветах газовых горелок, сравнивает плиту с черной планетой, а раскрытый каравай с Библией, когда любителю женщинами, моющими в субботу полы, красотой их тел и движений, то он в сущности лишь продолжает основную стилевую линию своей поэзии, всегда склонной к гиперболизации бытовых деталей и приданию им патетического, величественного смысла.

Стихи о «простых радостях» с их «фламандским» колоритом и преклонением перед земной красотой в повседневных явлениях человеческого быта, несмотря на свою внешнюю неожиданность в творческой биографии поэта, по сути были новой реализацией его постоянного творческого принципа — показывать необыкновенное в обыкновенном, творить сказку из реальности, искать поэзию в прозе.

„А где теперь тот год?“

Оставаясь в течение многих лет удивительно единой по своей художественной структуре, стилевая манера С. Орлова испытывает ныне существенные сдвиги. Последняя книга поэта «Колесо» (1964) — вероятно, едва ли не самая интересная и яркая его книга.

Для сегодняшнего С. Орлова характерно стремление перейти от отдельных наблюдений за жизнью народа к глубокому осмыслению его роли в истории, от дневника — к раздумью, от описаний — к выводам, от зарисовок — к проникновению в смысл вещей и событий. Такова логика творческой эволюции поэта. И она свидетельствует о том, что пришла к нему ясная и умная поэтическая зрелость.

Раздумья С. Орлова теперь связаны уже не столько с судьбами его товарищей по жизненным дорогам, сколько с представлением о судьбе народа в целом. Тема эта решается С. Орловым без штампов и общих фраз, сопутствовавших ей в сороковые годы. Он пишет о «трудных шагах» истории, которую не могли бы сотворить никогда ни боги, ни цари, ни вожди, чьи имена остаются в памяти потомков. Историю делали рабочие, крестьяне, солдаты, и в ней, в истории народного опыта, современники черпают свое мужество и свои силы.

Стоит ли вновь говорить о владыках,

пророках, царях? Разве не важнее, например, безвестный подвиг рождения колеса, — ведь в нем воплотилась мудрость тех народных самородков, без которых никакой человеческий прогресс был бы невозможен.

Утверждение приоритета масс над избранной элитой «полководцев» и «первооткрывателей» приводит С. Орлова к прославлению «вторых» людей, не тех, что первыми пускались в трудную дорогу, ощущая себя избранниками судьбы, а тех, кто пошел по их стопам, — безымянных, неисчислимых, как хаты, города, села.

Замысел многих стихов из сборника «Колесо» откровенно полемичен (уже само название свидетельствует здесь о желании поэта говорить о вещах, не вхожих в стандартный набор лирических аксессуаров). Они направлены и против обожествления личности великих людей, якобы в одиночестве ведущих человечество из мрака к свету, и против некоторых модных теорий, созданных для того, чтобы столкнуть лбами людей разных поколений, противопоставить детей — отцам. Ведь поэт сегодня и сам уже вышел если не в «отцы», так в «старшие братья». И кому-кому, а уж ему-то ведомо, кем были и что делали его сверстники в трудные для России годы.

Много нового пришло сегодня в стихи поэта, расширился их тематический диапазон, углубилась проблематика. И тем не менее его старинная верность однополча-

нам, верность армейской теме и всему, что с нею связано, остается неколебимой.

Вероятно, в этом нельзя усмотреть индивидуальную черту творческой биографии С. Орлова. Скорее перед нами особенность, присущая почти всем художникам его поколения. Ведь и М. Дудин нынче пишет «Песню Вороньей горы», и Д. Самойлов вспоминает о «роковых, фронтовых», и Ю. Друнина рассказывает о «солдатах запаса».

С. Орлов — постоянный гость в воинских частях и гарнизонах. Стихи, рожденные им в результате этих визитов, лишены официального холода и бесстрастной констатации увиденного. Поэт отчитывается перед друзьями давних лет, вчерашними фронтовиками. Он стал теперь как бы их послом — полномочным представителем армейского поколения, завоевавшего бесспорное право на поверку обновляющегося состава воинских подразделений.

Однако он приходит в гости к солдатам не только какверяющий, как экзаменатор. Когда-то на заснеженных полях возле Мги, у солдатских костров ему приходилось доказывать однополчанам право называться поэтом. Теперь, обращаясь к солдатской аудитории, его поэзия снова держит экзамен на зрелость.

Стихи о Советской Армии наших дней написаны С. Орловым с глубоким уважением к ее людям и любовью к столь знакомому ему уставному быту. Но эти чув-

ства слегка омрачаются здесь невольно нахлынувшими воспоминаниями о прошлом. Другие имена выкликает сегодня старшина на вечерней поверке. Другие юноши запевают песню, которую пели сверстники поэта. А события минувших лет известны им только по книгам.

С присущим ему вниманием к мелочам повседневного человеческого существования описывает С. Орлов мирную полковую жизнь. До блеска надраенные полы, блестящие штыками пирамиды, жестяные миски и плащ-палатки, просоленные потом гимнастерки и подкованные железом сапоги. Полк обедает, занимается боевой подготовкой, спит... Спят слесари, трактористы, строители — добрые хозяева новой земли, и им снятся «гражданские сны».

Среди стихов С. Орлова об армии мирных дней есть стихи с шуточной, веселой интонацией, есть лирические портреты и произведения патетические, написанные взволнованно, окрыленно. Но их всех роднит между собой личное, интимное отношение поэта к волнующей его теме. Ему дорого и волнение безусого новобранца, впервые пришедшего в четырежды краснознаменный полк и теперь зачисленного «равным в братство к великим героям», и заботы начальника Н-ской заставы, что расположилась у самого края страны. Он с удовольствием следит за тем, как авиадесантный полк — весь, от повара до командира, — уходит с песней в... небо,

пролетает над теми местами, где когда-то его товарищи тонули в грязи и бездорожье... «Пехота по небу идет, пехота в облаках как дома». И в который раз приходит к выводу, что начало подвигам кладется еще в мирное время:

Что подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив,— работа,
И пахнет кирзою сапог,
И звездами, и солью пота...

*(«Уходит в небо с песней
полк...»)*

Стихи поэта, посвященные солдатам новых призывов, — стихи о единении армии и народа, о том, как вчерашние бойцы передают эстафету людям, пришедшим им сегодня на смену. Делают это они с легким сердцем, уверенные в своих преемниках. А вообще говоря, замечает Орлов, век солдат кончается, «наступает век мастеров». И, может быть, недалек тот час, когда танки и пушки пойдут в мартены на переплавку, а человек, помнящий войны, станет музейной редкостью.

Но пока в людях, чья биография крепко срослась с событиями военных лет, нет недостатка. Поэт пристально следит за их судьбами, за судьбами тех, кто выжил, и вспоминает тех, кто уже никогда не придет в торжественный день на переключку. Многократно проходит через все его книги скорбный мотив прощанья с друзьями.

Вечная слава павшим! У самой дороги на

высоком постаменте навек поставлен суровым памятником прошлому обуглившийся танк, а поодаль под камнем и землю спит непробудным сном его боевой экипаж:

Танк слышит, как грохочут поезда,
И эхо долго в башне не смолкает...
И по ночам высокая звезда
Встает над ним, горит и потухает.
Зарницы отблеск ляжет на груди,
И тихо вздрогнут неживые траки,
И пристально в просторы поглядит
Тяжелый бог стремительной атаки.

(«Памятник»)

Прошное иногда рисуется С. Орлову в виде дальней планеты. Бесконечно давно он ее покинул. Но по праздникам оттуда летят к нему ракеты, стремительно выходят на «орбиту памяти», рвут ночное покрывало времени, и, как будто не было этих лет, вновь «плещет горьковатый дым газойля», вновь танкисты надевают прочные шлемы, опять проносятся под траками дороги и мосты. Что может быть нежнее и надежнее, чем железные руки танкистов? В их ссадинах и ожогах запечатлелась «вечная поэзия земли»:

Я стою под звездным ливнем жарким.
В облаках, колышась и звеня,
Гаснут и встают из света арки,
В юность уводящие меня.
Замерло на площади движение,
Город праздник над землей зажег,
И идут ко мне стихотворенья
В шлемах, в кирзе с головы до ног.

(«Ракеты»)

Осенними ленинградскими ночами случайный прохожий может увидеть на улицах необычное зрелище: грохочут в боевом строю, тяжело вдавливаясь в асфальт, танки. Важно глядят с башен на людей в гражданской одежде молоденькие танкисты. И им, конечно, невдомек, почему так внимательно, так любовно осматривает их уже немолодой мужчина. Ему бы идти домой, а он все стоит под дождем, не в силах сдвинуться с места.

Образ этого одинокого, захваченного непогодой ночного путника в стихотворении С. Орлова «Перед парадом» — образ автобиографический. И нетрудно догадаться, о чем вспоминает поэт, следя за подготовкой нового поколения танкистов к праздничному параду.

В пятидесятые годы проблема отцов и детей для С. Орлова не возникала. Наблюдая за тем, как гуляет в городском саду молодежь, за «ситцевым ветром веселья, летящим по желтым дорожкам», он, естественно, переходил к мысли о своей военной юности. И у него не возникало сомнения, что, если пробьет час, эти легкомысленные на первый взгляд мальчишки и девочки повторят подвиг старших.

Эту уверенность поэт сохраняет и ныне. Но теперь он находит в старой теме новые грани. Ему необходимо выяснить: а не являются ли смех, гулкая радость, танцы под джаз — забвением, отрицанием прошлого? Способны ли мальчишки в узких

брюках и девушки с высокими прическами оценить героику минувших лет?

Ответом на эти вопросы является одно из лучших стихотворений С. Орлова последних лет — «Невская Дубровка». В нем рассказано об исковерканной ленинградской земле и о солдатской памяти, которая тоже пребудет навеки в ссадинах и ранах.

Два бывших участника боев под Невской Дубровкой ходят по полю боя и вспоминают свою молодость. Они вспоминают глазастую санитарку Женьку — русую красавицу и друзей, порубанных пулеметами и минами. А вокруг них — мирный луг и «нормальная жизнь». И в этой «нормальной жизни» плывет по Неве к Валааму туристский теплоход, хлещет над погостом всю джазами радио, и шофер Витя с удивлением смотрит на слезы и песни немолодых и трезвых людей, не нашедших себе в этот хороший ленинградский денек более интересного дела, чем лазать по заросшим травой и осыпавшимся окопам.

Итак, прошлое поросло быльем. И вся его слава, вся его радость, вся его боль стали для Витьки и людей его поколения лишь «эпопеей», «далекой историей».

И все же обижаться на курносого Витю, решает поэт, было бы бессмысленно и просто глупо:

И зачем ему, Витьке, за нас нашей памятью
мучиться,
Ах, зачем, все равно у него не получится.
Свищут птицы, горит земляника на брустверах,

Полон Витька к истории благодарности и уважения. Он глядит на шоссе и на девочек в брючках, без устали мчащих велосипеды вдоль древнего поля сражения.

Итоговый вывод стихотворения: «Но у жизни есть горя и счастья законы, наше — нам, юность — юным, и мы не в обиде» — сделан Сергеем Орловым, как мне кажется, не без некоторых колебаний и мучительного раздумья. Но вывод этот — справедливый, единственно правильный. Нет и не придумаешь лучше памятника героям давних боев, чем этот поток веселых велосипедистов, без устали мчащихся по шоссе, чем этот наполненный счастьем и песнями теплоход, чем вся эта атмосфера мирной и счастливой жизни.

«И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть». Произнося эти слова, Пушкин знал, что прошлое всегда эгоистично в своем отношении к будущему. И осуждал такой эгоизм.

С. Орлов в своем понимании диалектики истории пошел по пушкинскому пути. Этот путь был подсказан ему всей его творческой биографией, и санитарка Женя, встань она сегодня из могилы и прочти стихотворение «Невская Дубровка», с решением поэта без сомнения согласилась бы.

Солдатская тема для С. Орлова — понятие чрезвычайно широкое. В эту рубрику входят и произведения, непосредственно рассказывающие о фронтовиках, и те, что

на первый взгляд никак с армией и войною не соотносятся. Взять, скажем, такие стихотворения, как «Сорок лет» или «Женский праздник» из сборника «Колесо». Они посвящены женщинам, потерявшим своих мужей и возлюбленных на фронте. О причинах одиночества женщин в стихах говорится вскользь, между прочим. Замысел этих стихов не декларируется, а скорее вычитывается из сцепления образов, из логики развития лирического сюжета.

Двадцать лет прошло с тех пор, как торжественный салют на Красной площади ознаменовал окончание Великой Отечественной войны. «Куда ушел он, тот далекий год, который долго ждали наперед, с таким терпением, как никто не ждет. И дождались. А где теперь тот год?» («Куда уходят годы?») Двадцать лет — это и много и мало. Мало в жизни народов и государств. Много, очень много в человеческой жизни. За это время вырастают дети, к юношам приходит зрелость, старики умирают. За это время грубеют девичьи руки, исчезает блеск в глазах, ровнее и равнодушнее начинает биться сердце.

Девушки сороковых годов! Те, что оставались в затемненных городах и опустевших селах, те, о которых на фронте вспоминали за секунду перед разрывом снаряда... О них слагали стихи, к ним летели с полевых почт треугольнички солдатских писем, на их имя выписывались денежные аттестаты...

«Жди меня, и я вернусь». И они ждали... А многие ждут и по сей день. Стихотворение «Сорок лет» написано об этом бессрочном ожидании. И о том, что, пока женщины ждали, молодость их прошла и их счастье не состоялось.

Сентиментальности в этих строках нет. С. Орлов никого не утешает. Да и не оплакивает. Ведь былого не вернешь, и какой толк в том, что «кто-то, вскинувший руки под небом, полыхает, как пламени куст...» Это все не о них. «Сорок лет — бабий век», и тут уж ничего не попишешь. Перед нами трагедия, и она не нуждается ни в смягчении, ни в сверхбодрой концовке.

Иначе построено стихотворение «Женский праздник». На первый взгляд это просто газетный отклик на радостное событие — космический полет Валентины Терешковой. Однако на самом деле перед нами снова разговор о солдатках, о русских женщинах, двадцать лет молчаливо несущих свою вдовью долю:

Сложились бабы по рублю,
Простые бабы, деревенские,
И пьют, я их не оскорблю —
Мол, пить занятие не женское.

У баб на то причина есть,
Особая, всемирно веская —
По радио примчалась весть,
И озарилась доля женская.

Пахали бабы и жали, рубили лес, выполняли и женскую и мужскую работу и

никогда не думали, что одна из них пролетит над земным шаром, над щами, стиркой, над омоченной слезами трудовой страдой, чтобы доказать, как много может и на что способна женщина.

Фронтовой дружбой и фронтовым мужеством С. Орлов привык проверять все свои дела и поступки. Его страшат засасывающая тина незаполненных созидательным трудом будней, настроения бездумного благополучия и сытого довольства. Счастье нельзя оградить тесовым забором и копить его молча, укрываясь от прямых, ничего не прощающих взглядов людей. Холодильники, телевизоры, портьеры, что ж, это все нужно человеку, но только не как самоцель.

Говорят, в зрелые годы люди перестают быть романтиками. Эта философия оправдывает все — и измену, и подлость, и эгоизм. И именно поэтому она ненавистна поэту. Образумиться? Но разве разум — надгробная плита, и разве можно «прихлопнуть» разумом стремление к поиску, к честности, прямоте?

Да здравствует святая сила разума
Быть не рабом — хозяином страстей
И поступать, как юностью наказано
На дымном гребне фронтовых ночей.
Пусть не благоразумная — победная
Идет без страха молодость в зарю.
Я буду стар, как перечница медная,
Но и тогда я это повторю.

(«Всё, говорят, на свете образуется...»)

Солдатское бескорыстие и алчность мещанина — этот непримиримый конфликт переходит у С. Орлова из книги в книгу, воплощаясь все в новых формах.

Посмотрите, как по-чиновничьи важно гогочут гуси перед птичницей Феклой, как зло клюют свой корм! А над ними летят их свободные дикие братья:

Плотный ветер крылами наотмашь сминая,
По-солдатски равнялась гусиная стая.
И ложилась на курс, ей завещанный, древний,
С ливнем, с бурями, с лютой тоскою
По озерам полесским, по русской деревне...
До сих пор эта стая меня беспокоит.

(«Утро было...»)

„Одна любовь“

Неотрывна от военной темы у С. Орлова и интимная лирика. Стихов о любви в его книгах немного. Но они почти всегда по-особому значительны, потому что поэт понимает: в том, «как люди любят, как грустят, как дышат», — всегда бьется их время. С любовью у людей «поколения 1940 года» были свои счеты. Может быть, поэтому темы любви и счастья в лирике С. Орлова существуют раздельно и никогда не пересекаются:

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло на части,
Но есть любовь — сильней войны она.
А кто сказал, что нет любви без счастья?..

(«Одна любовь»)

Чувство, разрушенное войной, отношения между мужчиной и женщиной, утратившие свою былую значительность и чистоту, — основное содержание большой поэмы С. Орлова «Одна любовь». Поэма эта не лишена недостатков. Она затянута, описательна, не обладает композиционной стройностью. И все же ее замысел интересен. Жизненно достоверна и реалистична лирическая ситуация, в которой взяты герои поэмы. Кроме того, здесь просто есть немало хороших, запоминающихся кусков и строчек.

«Одна любовь» выросла из двух стихотворений сороковых годов. В одном из них С. Орлов говорил о голосе «первой любви» — «позднем», «напрасном», до сих пор зовущем обещанием счастья, и удивлялся тому, как он мог уцелеть на горящей земле в пыли странствий и дорог. Второе — «Стихи о первой любви» — представляло собой как бы сюжетное ядро будущей поэмы. Но мысль поэта еще не обрела в ту пору художественной зрелости. Он еще не улавливал взаимосвязи личного и исторического, человеческой судьбы и стоящей за нею эпохи.

«Стихи о первой любви» рассказывали о том, как солдат после войны встретил женщину, в которую был когда-то влюблен. Он не узнал ее. Вместо хорошенькой проказливой девчонки перед ним стояла незнакомая красавица. И хотя красавица эта была ему совершенно чужой, он пошел

за ней для того, чтобы навсегда забыть о «проказах, песенках, глазах» русой девчонки.

Поэма придала этому сюжету новую развязку и тем самым — новый смысл. Герои встречались, долго и мучительно выясняли свои взаимоотношения — взаимоотношения одинокого мужчины и замужней женщины. Затем женщина с готовностью расстегивала на платье кнопки, а мужчина неожиданно уходил. Он не хотел остаться с нею, остаться всего на мгновение, чтобы затем опять потерять. Стук ее каблучков, ее глаза и весь ее облик были с ним многие годы. Она всегда была нужна ему, и вчера, и сегодня, но иначе — другой и по-другому.

Поступок героя в финале поэмы не производит впечатления надуманности или психологической фальши. Да и вообще герой С. Орлова, каким его знал на протяжении многих лет читатель, мог поступить только так. «Одна любовь» — поэма о человеке, не пожелавшем запятнать свои воспоминания, и о поколении, которое неспособно довольствоваться малым. Есть в ней щемящая грусть — она идет от раздумий поэта над личной жизнью своих сверстников, — но нет в поэме моральной половинчатости и ханжеского аскетизма.

С. Орлов — поэт, не равнодушный к женской красоте, умеющий рисовать женщину во всем ее чувственном обаянии. Он пишет о загадочном женском взгляде, о

женском смехе, о счастье видеть тронутый спелым вишеньем маленький рот, загорелые покатые плечи, крутизну соболиных бровей и слышать низкий грудной голос.

Однако, пожалуй, еще ближе ему совсем другой женский образ — образ только еще расцветающей, строгой и чистой, кокетливой и лукавой девушки-невесты. В одном из стихотворений последних лет («Черемуха на Петроградской стороне») С. Орлов удачно сравнил эту девушку с белой черемухой, торжественной и необычной в каменном ущелье большого города:

На Петроградской расцвела черемуха.
Вы слышали, вы видели ее?
Она стоит вся белая, огромная,
Как сказка, опустившись в бытие.

Столь щедрый на всевозможные подробности и описания быта С. Орлов не часто обращается к пейзажу. Пейзажная лирика в прошлом у него вытеснялась стихами о людях, которые живут и действуют на фоне природы. Природа в такого рода произведениях выполняла лишь служебную функцию. Она объясняла и предвещала человеческие поступки. Между тем подлинное искусство лирического пейзажа С. Орлову вовсе не чуждо. В его пейзажных стихах последних лет присутствует тонкое лирическое настроение, часто как бы спрятанное между строк. И поэтому они обычно говорят читателю несравненно больше,

чем можно вычитать из их непосредственного содержания. Так, например, в стихотворении «Две дали» поэт описывает летний день, когда вот-вот хлынет дождь, а там, вдали, еще все блестит и переливается на солнце:

Даль одна, ближайшая, темна,
А за ней — прозрачная от света,
Золотой жары полным-полна...
Так бывает в середине лета.

Здесь вот-вот на тихие луга
Хлынет дождь и гром ударит зычно,
Там сгребают сено, мнут стога,
Медом зной стекает с плеч кирпичных.

Пятнами цветными на песке.
Брошены у речки сарафаны.
Девушки купаются в реке.
Дали две — различные, как страны.

Но лишь где-то с середины стихотворения начинаешь понимать его глубинный смысл. Две дали — два разных этапа человеческой жизни. Та — солнечная и сияющая безмятежная даль молодости — уже миновала для поэта. Схлынула золотая жара, собрались в вышине чреватые бедой житейские тучи:

И кукушка там и тут слышна,
Счет ведет и радостям и бедам,
Но звучит по-разному она,
Эта леса синего беседа.

Там девчонкам под ноги летят
Без подсчета годы, как плотины.
Пропустить боясь, сиюю объят,
Словно грустью, песней кукушиной.

Прозвучит короткое «ку-ку»,
Жду, когда еще одно обронит,
Как колечко с камешком в реку,
Или замолчит и похоронит.

А девчонкам просто наплевать,
Распустили косы, ноги босы,
Сколько жить — считать не сосчитать,
Мать траву без спросу на покосах.

Солнышко у них над головой,
Отдаются небу, ветру, водам...
Тень и свет, прохладный день и зной
Под одним бескрайним небосводом.

Для того чтобы научиться писать такие стихи, поэту нужно было пройти большую гражданскую и литературную школу. Много лет С. Орлову была присуща угловатость почерка, заметная шероховатость слога. Его стихи, несмотря на богатство их красок и образов, часто страдали длиннотами, вялостью в развитии лирического сюжета, небрежностью рифмовки. От этих недостатков своего творчества он уходил с большим трудом (надо сказать, что небрежность в рифмах присуща поэту и ныне).

При всем тяготении к жизненной прозе, к быту, к «рассказу в стихах» С. Орлов никогда не владел в достаточной степени искусством эпической композиции. Именно поэтому он и не добился успеха в жанре поэмы. И «Светлана», и «Одна любовь», и «Слово о Циолковском», хотя в них и есть отдельные достоинства и поэтические

находки, оказались в стороне от главной магистрали его стиливых исканий.

В последние годы стихи С. Орлова стали заметно собраннее, короче, экономнее в развитии поэтической мысли, а лирическое переживание стало явственно вытеснять рассказ о фактах.

Нарастание лиризма не нарушило образный строй стихов поэта. По-прежнему они привлекают редкой для поэзии широтой вовлекаемого в них мира вещей и явлений, богатством и свежестью словаря, остротой и смелостью поэтической мысли. И все же, сохраняя искренность, сердечность и безыскусственность поэтического голоса, так же как и верность стиху с синтетической разговорно-мелодической основой, С. Орлов в сборнике «Колесо» нащупывает новые грани своего дарования. И обновление это, затрагивающее как содержание, так и форму его поэзии, свидетельствует о неисчерпанности творческих ресурсов поэта, о его способности к дальнейшему художественному росту.

Устойчивый интерес к будням, к судьбам простых людей, необычное сочетание образной насыщенности и ясности мысли, прозаических подробностей и «космического» пафоса, равнодушие к внешним эффектам и яркая метафоричность обеспечили С. Орлову свое особое место среди других современных поэтов. Он ни на кого не похож в своей лирике и доподлинно своеобразен, хотя, конечно, можно было бы на-

звать художников, в известной мере близких ему не только по общности мировосприятия или принадлежности к тому же поэтическому поколению, но и по некоторым особенностям стиля.

Среди них — Я. Смеляков, так же, как и С. Орлов, склонный к романтизации бытового и повседневного, и К. Ваншенкин, с увлечением рассказывающий о том, как обедают кассирши и продавщицы, и никогда не забывающий о своем солдатском прошлом, и Е. Винокуров — поэт пылкой, ищущей мысли, которая воспламеняется от соприкосновения с миром окружающих человека обычных вещей и явлений, и Л. Хаустов — не только похожий на С. Орлова прозаической насыщенностью своих лирических сюжетов, но и порой зависимый от его стиливой манеры.

У каждого поэта есть стихи, по своему характеру приближающиеся к эстетическому манифесту. Есть они и у С. Орлова. Одно из самых важных среди них — «Коммунисты». Оно не только вновь напоминает о постоянных героях его книги — о тех, что шли в полный рост под огнем врага и сегодня способны вновь идти на любую риск за правое дело, но и говорит о неослабевающем отвращении поэта к так называемому «высокому стилю», всякой лакировке и приукрашиванию действительности.

Борьбу за реализм в поэзии, против однообразия фанфар, трескучей меди, кое-

как зарифмованных лозунгов, условно-поэтического словаря и альбомных трелей он сопровождал подчеркнутой установкой своих стихов на самого демократического читателя.

Солдаты и солдатки, люди с руками, вымазанными мазутом и копотью, за-грубелые от долгого физического труда, — были и остаются не только героями его книг, но и высшими и беспристрастными ценителями его искусства.

Народ, говорит нам поэт, как бы он ни уставал, как бы ни отвлекался разными заботами, как бы ни был эстетически неподготовлен, всегда в состоянии отличить большое от малого, настоящее от фальши, искусство от его подделок. Куда легче читать стихи в кругу рафинированных эстетов. Здесь пройдет всякое. Лишь бы поэумней и не так, как пишут другие. Но вот попробуйте выступить в колхозе. Колхозники спят летом три часа в сутки, и им не до поэтов, когда «бушует по округе сенокос».

В одном из своих стихотворений («Вечер стихов в колхозе») С. Орлов правдиво рассказал о том, как он встретился с аудиторией, состоящей из крестьянок с темными, обожженными солнцем лицами и выгоревшими волосами.

В этот час он с удивительной ясностью понял, что было на самом деле хорошим в его книгах, а что оставалось данью моде,

ложным вкусам и только зря расхваливалось критикой:

И я прочел для этих трех солдаток
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...

Поэзию С. Орлов искал на разных путях. Но, как он недавно признался в одном из своих стихотворений, она открылась ему не отвлеченными «лирическими красотоми», а горячим хлебом первого обмолота, босоногой девчонкой, как василек, забредшей в рожь, кувшином молока на краю стола, бабьей песней над «громкими колесами» — песней, стремительно растаявшей в пыли русской проселочной дороги, — целым океаном народной жизни, которую не так просто высказать и передать и которой надо просто оставаться верным и близким, если только хочешь стать ее летописцем.

Высокая нравственная программа, наменная С. Орловым, и выдвинутое им чрезвычайно ответственное понимание поэтического ремесла обязывают ко многому. Но тот, кто знает его стихи, поймет, что в этой декларации по сути дела для него нет ничего неожиданного.

Близостью к жизни народа, искреннему желанию быть нужным и полезным людям, занятым повседневными трудовыми дела-

ми, С. Орлов обязан всеми своими творческими успехами. Да и завтрашний день его поэзии вне всякого сомнения тоже будет зависеть от того, насколько правдиво он сумеет рассказать о духовном мире своих современников и одновременно — о таких как будто прозаических и вместе с тем исполненных глубокого смысла буднях нашего века.